

РОСІЙСЬКА ЛІТЕРАТУРА

УДК 821.161.1-1.Ширяев«20»

DOI <https://doi.org/10.32838/2663-6069/2020.2-3/41>

Фокина С. А.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

РИМСКИЕ РЕАЛИИ В АВТОРСКОМ МИФЕ АНДРЕЯ ШИРЯЕВА

Постановку проблеми визначено актуальністю осмислення творчих інтенцій сучасних авторів, які орієнтовані на продовження традицій моделювання «римського тексту». У статті представлено спробу осмислення римських реалій як варіанту прояви «римського тексту» в поетичному світі сучасного поета-емігранта Андрія Ширяєва. Вивчення міського тексту (В. Топоров, Ю. Лотман, Н. Медніс, Д. Замятин та ін.), а також одного з його варіантів – «римського тексту» (В. Топоров, Т. Владимірова) – на даному етапі філологічних та культурологічних пошуків вже має великий досвід. Запропоновано дослідницьку стратегію, яка дозволяє об'єднати навички вивчення італійського тексту з інтегративним залученням біографічного, контекстуального, інтертекстуального підходів. У ході дослідження було з'ясовано ряд наступних положень. Виявлено фактор взаємодії авторського міфу та семіосфери міста. Висловлено припущення, що перевага для автора певного міського тексту є індикатором особливостей його творчої свідомості. Розглянуто звернення А. Ширяєва до римського простору, причому саме давньоримському, як діалогу зі значною російською поетичною традицією. Висунуто гіпотезу, що вибір поетом-емігрантом типу міського тексту є зумовленим стратегіями ідентифікації або ж ностальгії. Простежено специфіку інтерпретації А. Ширяєвим римського тексту у відповідності з прагненням знайти якийсь еквівалент Втраченого Раю. Було відзначено, що Римський текст у певному сенсі пов'язаний із темами перетворень та чаклунства, чому сприяє включення в семіосферу Вічного міста сатурналій, вергілієвської «Енеїди», овідієвських «Метаморфоз». Проаналізовано стратегії включення до авторського міфу А. Ширяєва образу Вергілія як мага та провісника й Овідія як вигнанця та ностальгіка. Продемонстровано, як сучасний поет-емігрант контамінує шекспірівські, булгаковські та пастернаківські ремінісценції. Виявлено включення до ліричного сюжету ідеї відображення діонісійських містерій та жертви й Воскресіння Христа.

Ключові слова: римський текст, локальний міф, семіосфера міста, авторський міф, поет-емігрант.

Постановка проблеми определена актуальностью осмысления творческих интенций современных авторов, ориентированных на продолжение традиций моделирования «римского текста».

Анализ последних исследований и публикаций. Изучение городского текста (В. Топоров [12], Ю. Лотман [8], Н. Меднис [9], Д. Замятин [7] и др.), а также одного из его вариантов – «римского текста» (В. Топоров [11], Ю. Лотман [8], Т. Владимірова [3]) – на данном этапе филологических и культурологических поисков уже имеет обширный исследовательский опыт. Но внимание к данному феномену не ослабевает и требует дальнейшей разработки. Особенно перспективным представляется изучение городских текстов в творчестве современных поэтов-эмигрантов. Среди поэтической диаспоры конца XX – начала

XXI веков заслуживает внимания наследие Андрея Ширяева – лауреата: при жизни V Международного Волошинского конкурса (2007), посмертно – литературной премии «Писатель XXI века» в номинации «поэзия» (2016).

Постановка задания. Цель данной статьи – на материале стихотворения А. Ширяева исследовать интерпретацию сознанием современного поэта-эмигранта римского текста на уровне реалий и семіосферы Вечного города.

Изложение основного материала. Для Андрея Ширяева характерно частое обращение к некоторым темам, как знаковым для творчества, так и во многом определяющим его жизненный путь. К таким темам можно отнести тему осени, эмиграции, музыки, одиночества, призрачности и трагичности бытия, а также смерти и возрождения.

Стихотворение А. Ширяева «Осенний хор. В ночной гостинице...» написано за два месяца до гибели поэта, и в нем может прочитываться некое подведение жизненных итогов. Осень становится лейтмотивным и эмблематическим временем года, используемым А. Ширяевым как знак меланхолии.

Поэтический текст, выбранный для анализа, показателен неким исповедальным характером и обращением к древнеримским реалиям:

Осенний хор. В ночной гостинице свирепея от немоты, созвать контральто и баритоны в единый сон – и завернуться в сухие перья попутных птиц, везущих к Риму от Барселоны.

Качнуться в такт её велянью, его влеченью, взойти на холм капитолийских интриг и слухов, крутить любовь, сплетаясь телом с виолончелью, играть в огне – и не бояться ни снов, ни духов.

Опубликовано 26.08.2013

Интересным поворотом в решении темы эмиграции становится включение поэтом ее в римский текст. По мнению Л. Бугаевой, для писателя-эмигранта экзистенциальное соответствие своему статусу «вырастает из общего ощущения бездомности, которое дает свободу в выборе пространства вписывания и раздвигает его границы» [2, с. 205]. Поэтическое сознание А. Ширяева тяготеет к пограничности: в плане социокультурной позиции – эмигрант; в авторском мифе – продолжение линии медиально-профетического видения мира поэтом; непосредственно в личном плане – предчувствие завершения жизненного пути. Выбор в подобной ситуации А. Ширяевым римского пространства, причем именно древнеримского, позволяет подключиться к значительной русской поэтической (от А. Пушкина до И. Бродского), а шире – литературной традиции в целом.

В. Топоров, введший само понятие «римский текст», связывает его зарождение с созданием «Энеиды», дух которой определяет «соотнесенность двух тем – Рима и мира, намеченная

у Вергилия» [11, с. 206]. Самобытность «римского текста» потенциально активизирует архетипические составляющие в различных римских реалиях. Т. Владимирова – исследовательница данного феномена, замечает, что «особое место в русской литературе, связанной с постижением чужого пространства, занимает Рим, который, как и некоторые другие значительные города, имеет свою мифологию и образует свой собственный городской текст» [3, с. 3]. Городской текст в целом показателен для различных модификаций современного дискурса, начиная со времени его зарождения до современной культурной ситуации. С точки зрения Н. Меднис, «город по отношению к деревне изначально мыслился как центр по отношению к периферии, что сформировало особую мифопоэтику города... <...> Более того, <...> всякий город, подобно Иерусалиму, имеет своего небесного двойника и своего небесного покровителя» [9]. Локализация городского текста – всегда важный показатель в плане авторского мифа, особенно в том случае, когда лирическое «я» предстает в качестве альтер-эго автора. По слову В. Топорова, «уже в пушкинское время принцип, лежащий в основе «гео-этнических» панорам, последовательно сужаясь, применялся при литературном освоении темы города, дома, интерьера, а позже и мира душевных состояний человека» [12, с. 48]. Показательна параллель между духом города и человеческим психотипом, призмой познания себя и мира. Городские тексты во многом определяются авторским мифом и интерпретацией неповторимой атмосферы города. Значима и городская семиосфера, включающая коды истории, архитектуры, культурной памяти, мифологии, легенд, апокрифов и даже анекдотов. Ключ к пониманию своеобразия локальных мифов, с точки зрения Д. Замятина, может дать «интерпретация взаимоотношений гения и места», что особенно актуально «для крупнейших культурных центров мирового значения – таких, например, как Париж, Лондон, Вена, Рим, Нью-Йорк, Москва и С.-Петербург. <...> Благодаря <...> творчеству гения место постоянно как бы <...> преобразуется...» [7, с. 30]. Репрезентативна и обратная ситуация, когда предпочтением автором определенного городского текста становится индикатором особенностей его творческого сознания, приоритетных мифологем, концептов, тем и сюжетов. Выбор же поэтом-эмигрантом типа городского текста обусловлен, прежде всего, стратегиями идентификации или же ностальгии. Так, согласно О. Демидовой, для

русской литературной эмиграции еще первой волны было характерно создание разного рода локальных свертхтекстов. Наиболее частотными были, по словам исследовательницы, достраивавшиеся «в эмиграции (петербургский, московский, уездный)», а также «выстраивавшиеся на их основе собственно эмигрантские тексты (берлинский, парижский <...> пражский и пр.)...» [5, с. 517]. В случае А. Ширяева его обращение к городским текстам и включение локальных мифологем в авторский миф обусловлено стремлением поэта обрести некий эквивалент Потерянного Рая и в соответствии с этим выстроить культурную и архетипическую преемственность. По замечанию Ю. Лотмана, «концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца – это “вечный город» [8, с. 209]. Обращение А. Ширяева к римским реалиям показательное в плане утверждения связей с русской культурой и литературой, для которых был весьма привлекателен римский текст, а шире итальянский. Не менее важен для А. Ширяева фактор актуализации античного мира, что неизменно значимо на протяжении всего ширяевского творчества.

Совмещая римские топосы с идеей эмиграции, А. Ширяев апеллирует к определенной литературной маске. Образ поэта-изгнанника, несомненно, соотносим с личностью Овидия. До А. Ширяева эта литературная маска была примеряема А. Пушкиным, думающим во время пребывания в Одессе об отъезде за границу, и реальным эмигрантом И. Бродским. Непосредственную значимость Овидия в авторском мифе А. Ширяева подтверждает стихотворение, отмеченное Волошинской премией: «...и сражение роз неизбежно, и злой лепесток...» («Так ли больно тебе, как тебе не умеется знать / об искусстве любви, безыскусный мой, бедный Овидий?»). Овидий еще в античном мире стал эмблемой поэта-ностальгика. Так, Ж. Старобинский отмечает, что тоску Улисса «применяет к себе Овидий, сосланный в Томы...» [10, с. 273]. Кроме того, наравне с Одиссеем Овидий воплощает мифологемы эмигранта и ностальгика еще в античном мире. Ж. Старобинский подчеркивает, что прощание с Римом Овидия окрашено тоской, соответствуя «печальнейшему образу потерянного мира (*tristissima imago*)...

В далеком прошлом проступает падение Трои – первая катастрофа великого римского рода. Это позволяет поэту поднять собственную судьбу на высоту легенды...» [10, с. 275]. Овидий связан с двумя темами, привлекательными в ширяевском поэтическом универсуме. Автор поэм «Метаморфозы» и «*Ars amandi*» задает определенные традиции для кодов превращений и эротики, неизменно востребованных в ширяевском поэтическом мире.

Римская тематика, несомненно, проецирует связь с «Энеидой», энеевым мифом, а также с личностью самого Вергилия. По наблюдению Т. Цивьян, примечательна модификация вергилианского мифа в Средневековье, где Вергилий предстает «как маг, мудрец, *vir doctus*, едва ли не демиург, изобретатель чудесных предметов, астроном и алхимик...» [16, с. 63]. Личность древнеримского поэта, соответствуя в народном восприятии «тому мощному мифопоэтическому заряду, который несет в себе поэзия» [16, с. 64], становится эквивалентной чудотворцу, обретая поистине архетипические черты. Римский текст в определенном смысле связан с темой чудес, превращений и колдовства, чему способствует включение в семиосферу Вечного города сатурналий, вергилиевской «Энеиды», овидиевских «Метаморфоз», а также мифологизация представлений об обоих поэтах: Вергилия как мага и предсказателя, Овидия как изгнанника и ностальгика.

Обращаясь к римским реалиям, А. Ширяев интерпретирует метатему Вечного города и его мифологию, включая в свой авторский миф. Показательно и ширяевское осмысление эмиграции, осуществляемое в различных ракурсах, затрагивая смысловой спектр от бесприютности до вечного поиска. С точки зрения Т. Владимировой, «в русской литературе Римский текст порождает собственный сюжет возрождения души, воскресения...» [3, с. 21]. Включение в ткань ширяевского лирического сюжета ассоциаций возрождения, дионисийских мистерий и восстания из мертвых Христа особенно важны, учитывая состояние меланхолии автора и, видимо, предчувствие ухода. Не обходит А. Ширяев и тему медиальных и колдовских способностей поэта. Не случайно в лирическом сюжете обыгрывается сцена организации случайных звуков в хор, подразумевая умение общаться с духами («созвать контральто и баритоны / в единый сон»). В поэтической визии А. Ширяева возникает тема грезовидения варьирующаяся от сна, фантазии, метаморфоз до полета, перехода границы и обретения новой жизни.

Онирическое путешествие лирического героя в Рим становится поворотной вехой сюжета стихотворения. Упоминание птиц, направляющих свой полет в сторону Рима, и обозначение римской реалии – Капитолийского холма («*взойти на холм капитолийских интриг и слухов*»), акцентирует тему древнеримских авгуров, возвещающих волю богов. Л. Кофанов отмечает, что именно «в высшей точке Капитолийского холма, известной как Агх, находилось специальное место для ночных наблюдений авгуров за звездами, называвшееся *auguraculum* или *augaculum*» [6, с. 83]. Гадания авгуров и предсказание будущего по полету птиц акцентируют профетический статус поэта и магические способности. Поэт – альтер эго автора, в лирическом сюжете А. Ширяева предстает одновременно обладателем тайного знания и объектом метаморфозы. По замечанию Е. Фарино, овнешнение «эквивалентно выворачиванию наизнанку, устремленности наружу, метаморфозам, которые ведут к самоотжеству мира...» [13, с. 280]. Дабы обрести свое сокровище «я», ширяевский лирический герой с помощью колдовского обряда примеривания чужой сущности обретает вид птицы. Для А. Ширяева частотен образ птицы, его можно отнести к лейтмотивным образам, явно знаковым для поэта. Птица с мифологической точки зрения воплощает идею пересечения границ, движения по горизонтали и вертикали, вверх и вниз, соединяя небесный и хтонический миры. Такая траектория, по мысли Т. Цивьян, «отождествляется с полетом души, оставляющей тело (ср. отождествление души с птицей). <...> у птицы есть и еще один важный признак: голос = речь» = пение, которое «легко «переводится» на человеческий язык» [15, с. 273]. Желание лирического героя «завернуться в сухие перья» можно расценивать как предчувствие савана и как связь с образом оружия поэта. В данном плане показателен комментарий самого А. Ширяева к другому поэтическому тексту, вполне могущий выполнить роль подстрочника и к отмеченному выше образу: «*Penna avis – птичье перо (гусиное, лебединое, павлинье), орудие письма, пришедшее на смену каламу*»¹ [17]. В ширяевском стихотворении аналогичной функцией трансгрессивности, помимо «сухих перьев», наделяется ряд объектов: «*в ночной гостинице*», «*остывший дворик*», «*чашка, окно*», «*и новый город за вечной сценой*». Вышеуказанные медиальные объекты позволяют лирическому герою преодолеть границы своего личностного бытия и реальности, проникнуть

в мифологически-мистериальный хронотоп, связывающий миры живых, призраков и фантазий.

Огонь в стихотворении выполняет очистительную и даже охранную функцию («*играть в огне – и не бояться ни снов, ни духов*»). Огненная стихия является знаковой и для А. Ширяева, родившегося 18 апреля под знаком Овна. В то же время поэта, видимо, привлекала эмблематическая поливалентность огня и разнообразие связанных с ним значений и мифологем, позволяющих расширить рамки ширяевскового лирического сюжета. По замечанию Г. Башляра, огонь «... столь очевидно наделен свойством принимать противоположные значения – добра и зла. <... > это сияние Рая и пекло Преисподней, ласка и пытка. <...> кухонный очаг и апокалипсис» [1, с. 19]. Помимо указанных выше функций, огненная семантика актуализирует значения опасности, согревания, творческого горения, сожжения, одержимости, освобождения. Среди микротем, связанных с огненной мифологией, ширяевской поэтической визии соответствует история Прометея, похитившего огонь, Диониса, метафорически связанного с огнем, темы любовной страсти, сожжения на костре, в том числе и саможжения Дидоны, легендарные пожары в Риме и Москве, знаменитая булгаковская фраза «Рукописи не горят».

В данном ширяевском стихотворении экзистенциальностью лирического «я» избрано состояние духа, обозначенное «*играть в огне*». Емкость данного понятия, не случайна. По мысли Й. Хезинги, «человеческая культура возникает и разворачивается в игре» [14, с. 19], позволяет моделировать в рамках лирического сюжета мерцание смыслов. Наиболее значимым в ширяевском поэтическом универсуме и в данном поэтическом тексте, учитывая любовь А. Ширяева к музыке и опыт поэта-барда, несомненно, будет тема игры на музыкальном инструменте, тем более, что это подтверждают предшествующие строки «... *сплетаясь телом с виолончелью*». Но идея игры позволяет активироваться и другим смыслом и потенциальным сюжетам: игра с судьбой, актерская игра, расширяемая до экзистенциального масштаба, темы игрока, перехода между сном и явью, потенциального преодоления пограничности.

Несомнен интерес А. Ширяева как писателя фантаста и как художника слова в целом к творчеству М. Булгакова и непосредственно к роману «Мастер и Маргарита», изданному первоначально в римском издательстве. По наблюдениям Б. Гаспарова, в булгаковском вышеупомянутом романе есть «еще один, более глубоко скрытый

¹ <http://www.shiryayev.com/tag/latinskij-kamerton/page/3/>

план, в который выходит тема пожара. Это опять античная эпоха, но уже не столько Ершалаим, сколько *Рим* первых императоров» [4, с. 50]. Реминисценции из булгаковского романа «Мастер и Маргарита» можно выявить в третьем четверостишии ширяевского стихотворения. Мотив отказа от денег («беги от них в остывший дворик, и близоруко») трансформирует тему Иуды. «Остывший дворик» отсылает к двум сценам романа, будучи эквивалентен месту встреч Мастера и Маргариты, и месту, где Низа назначает свидание Иуде, обернувшееся его казнью. А. Ширяев переосмысляет образ, символическую и сюжетную нагрузку, связанную у М. Булгакова с букетом цветов, которые были у Маргариты в руках в день их знакомства с Мастером. В булгаковском романе цветы желтого цвета, что символизирует измену. Услышав о том, что Мастер не любит такие цветы, Маргарита их выбрасывает, и это становится началом отношений между героями. А. Ширяев обыгрывает уход от предательства и измены: отказ от денег / принятие цветов как высшего блага, чем активизирует тему Христа, Гефсиманского сада (трансформация темы цветов) и принятие чаши судьбы. Включая тему Христа через литературные аллюзии русской литературы Серебряного века, А. Ширяев контаминирует мотивы из «Мастера и Маргариты» и пастернаковского стихотворения «Гамлет», а шире – и самого романа «Доктор Живаго». Тема принятия цветов как дара, активи-

зируя шекспировскую максиму «Весь мир театр», становится знаком последнего поклона артиста, что, видимо, имело глубоко личный характер для А. Ширяева, учитывая его добровольный уход через два месяца после написания данного стихотворения.

Среди шекспировских реминисценций в ширяевской поэтической интерпретации возникает именно «Гамлет». Цветы эмблематически связаны с Офелией, сошедшей с ума, украсившей себя цветами и раздающей их другим в знак ожидающей их судьбы. С другой стороны, Офелия становится самоубийцей, что, видимо, оказывается значимым фактом для ширяевской меланхолии. Поэт вновь принципиально трансформирует литературный праисточник. В шекспировском оригинале один Гамлет не получает от Офелии цветка и отсутствует при этой сцене.

Выводы и предложения. Тема театра позволяет поэту-эмигранту контаминировать шекспировские, булгаковские и пастернаковские аллюзии, объединить идею дионисийских мистерий с жертвой и воскресением Христа. В ширяевском варианте лирический герой в плане веерных перекодировок, воплощающий ипостаси Энея, Вергилия, Овидия, Гамлета, Мастера, Христа, будучи альтер эго автора, получает прощальный букет.

В качестве исследовательской перспективы видется дальнейшее изучение «римского текста» в поэтическом наследии А. Ширяева.

Список литературы:

1. Башляр Г. Психологизм огня. Москва : Прогресс, 1993. 176 с.
2. Бугаева Л.Д. Литература и rite de passage. Санкт-Петербург : Петрополис, 2010. 408 с.
3. Владимирова Т.Л. Римский текст в творчестве Н.В. Гоголя. Автореф. Специальность 10.01.01 – русская литература. Томск, 2006. 22 с.
4. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. Москва : Наука, 1993. 304 с.
5. Демидова О.Р. Эстетизация как стратегия мифотворчества: эмигрантский вариант. *Миф и художественное сознание XX века*. Москва : Канон-Плюс, 2011. С. 511–533.
6. Жреческие коллегии в раннем Риме / отв. ред. Л.Л. Кофанов. Москва : Наука, 2001. 328 с.
7. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от гения места к имиджевым ресурсам *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2015. Т. 2(9). С. 25–31.
8. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. *История и типология русской культуры*. Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 2002. С. 208–220.
9. Меднис Н.Е. Сверхтексты русской литературы. Новосибирск : ННРУ, 2003. 169 с.
10. Старобинский Ж. Чернила меланхолии. Москва : НЛО, 2016. 616 с.
11. Топоров В.Н. Вергилианская тема Рима *Исследования по структуре текста*. Москва : Наука, 1987. С. 196–215.
12. Топоров В.Н. «Гео-этнические» панорамы в аспекте связей истории и культуры *Культура и история. Славянский мир*. Москва : Индрик, 1997. С. 23–61.
13. Фарино Е. Введение в литературоведение. Санкт-Петербург : РГПУ, 2004. 639 с.
14. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
15. Цивьян Т.В. Птицы-курьеры. Мотив связи верхнего и нижнего мира в балканской перспективе *Язык: тема и вариации*: в 2 кн. Кн. 1, Москва : Наука, 2008. С. 271–279.

16. Цивьян Т.В. Вергилианский миф в средневековье *Язык: тема и вариации*: в 2 кн. Кн. 2. Москва : Наука, 2008. С. 63–68.
17. Ширяев А. Мастер зеркал – поэзия и проза. URL : <http://www.shiryaev.com/>

Fokina S. A. ROMAN REALITIES IN THE AUTHOR'S MYTH OF ANDREI SHIRYAEV

The presentation of the problem is determined by the relevance of thinking about the creative intences of modern authors, oriented to the continuation of traditions of modeling the “Roman text”. The article presents an attempt to understand Roman realities as a variant of the manifestation of the “Roman text” in the poetry world of the modern poet immigrant Andrei Shiryayev. Study of the city text (V. Toporov, Yu. Lotman, N. Mednis, D. Zamyatin, etc.), as well as one of its variants of the “Roman text” (V. Toporov, T. Vladimirov), at this stage of philological and cultural searches already has extensive experience. A research strategy is proposed, which allows to combine the skills of studying the Italian text with integrative involvement of biographical, contextual, intertextual approaches. The study clarified a number of the following provisions. The factor of interaction has been revealed between the author's myth and the semiosphere of the city. It has been suggested that the author's preference for a certain city text is an indicator of the features of his creative consciousness. In the article was considered The appeal of A. Shiryayev to Roman space and it is ancient Roman, as a dialogue with a significant Russian poetry tradition. It has been hypothesized that the choice of urban text type by an immigrant poet is due to identification strategies or nostalgia. The specifics of A. Shiryayev's interpretation of the Roman text are traced in accordance with the desire to find some equivalent of the Lost Paradise. Strategies of inclusion were analyzed of the image of Virgil as a magician and predictor and Ovidius as an exile and nostalgic in the author's myth of A. Shiryayev. It is demonstrated as a modern immigrant poet contends Shakespeare, Bulgakov and Pasternak reminiscences. The inclusion in the lyrical plot has been revealed of the idea of reflecting Dionisian mystics and the sacrifice and Resurrection of Christ.

Key words: Roman text, local myth, semiosphere of the city, author's myth, immigrant poet.